

Запомнить [www.wuxiax.com] за одну секунду, быстрое обновление, без всплывающего окна, бесплатно для чтения!

Она схватила Лю Мудань и повалила ей на плечи, сказав: "Это все еще неприятность для наложницы".

Лю Мудань был ошеломлен, его глаза слегка взглянули на Фэн Чжи, он улыбнулся и сказал: "Хорошо... хорошо... я пришлю тебя, я пойду, если ты в порядке".

"Я скоро рожу..." Хуа Цюн лежала на плече Лю Мудань и кусала ее за ухо. "Некоторые слова нехорошо говорить в доме девушки, и я не хочу говорить с мужчинами, но я хочу спросить тебя, что тебе подходит. Сейчас..."

Таким образом, Лю Мудань еще больше не мог отказаться, и быстро поприветствовал женщину-рабыню, чтобы помочь Хуа Цюн уйти.

Фэн Чживэй медленно посмотрел на спину Хуа Цюн и улыбнулся.

Теперь никто не мог остановить ее.

Она поехала прямо с ними двумя и у ворот двора живого Будды в Дамме попросила щедрого вида. Затем вышел маленький лама, который был дежурным. Хотя ей было немного не по себе, она была наложницей и привела с собой только двоих. По каким-то причинам ее пришлось пригласить.

Лакированный променад бесшумно опустился, свет тунгового масла под карнизом коридора был тусклым, и старик, сморщившись, как ребенок, на толстом разноцветном ковре, ясновидящими глазами смотрел на вошедшего.

Позади него бронзовая статуя Будды, оправленная в золото, с загадочной улыбкой молча наблюдала за женщиной, которая шла с изяществом и экспрессией.

Фэн Чживэй открыл дверь, и в доме все было хорошо видно. Цзун Чэнь и Гу Наньби стояли у двери. Маленькие ламы, ожидавшие во дворе, не мигая смотрели на двух людей в доме.

"Что вы здесь делаете?" Старый лама опустил свои толстые веки и посмотрел на землю.

"Приходите посмотреть на нашу Дамару". Фэн Чживэй сидел далеко, его слова были добрыми, но тон звучал совсем не так. Следующее предложение даже шокировало Даму: "Посмотри на него, почему бы тебе не умереть?". О чем?"

"Скучаю..." Дама замолчал на некоторое время и хрипло улыбнулся.

"Ты, самка волка с подозрением, можешь ли ты укусить **** за облако на этом лугу?".

"Десятилетиями племена поклонялись благовониям и боготворили, и от этого действительно кружилась голова, и ты возомнил себя богом". Фэн Чжи слегка улыбнулся и зажег масляную лампу на столе. Свет масляной лампы отразился в тени ресниц под ее глазами. На мой взгляд, ты не так хорош, как тот, кто стоит за тобой и никогда не говорит глупостей".

"Нет никакой чепухи". Дама на мгновение тупо уставилась на нее: "Это величайший грех учеников, и они не смеют его совершать".

"Даже если каждое твое слово окажется правдой". Фэн Чживэй наклонилась вперед и

пристально посмотрела ему в глаза: "Смеешь ли ты сказать, что делаешь это по совести? Смеешь ли ты говорить, что никогда не получал никакого Влияния? Дхарма, ученики, всегда должна быть беспристрастной. Смеешь ли ты сказать, что в этом вопросе все твои слова и все твои действия не имеют ничего, к чему можно было бы придирааться, и не вызывают никаких сомнений?"

Дама был неподвижен, старые слои морщин наслоились друг на друга, сжавшись, как гнилое одеяло в тени масляной лампы.

В тусклой и сгущенной атмосфере, казалось, что-то сильно давило, и брови старого ламы приняли усталый вид.

"Что тебе сказал Кли?" Фэн Чживэй откинулся назад и облокотился на огромную подушку, выражение его лица было спокойным.

"Он просто рассказал мне, что произошло недавно". Дамма покачал головой. "Это не то, о чем ты догадался. Если ты скажешь что-то плохое, даже если ты что-то скажешь, результат гадания будет обречен на неудачу."

"Он был рядом с тобой, когда ты гадал?" Фэн Чживэй слегка усмехнулся: "Дама, ты подумай об этом хорошенько".

Старый лама задрожал, его мутные глаза заблестели, вспоминая сцену гадания, первоначальная убежденность постепенно показала след замешательства, но он покачал головой: "Он далеко."

"Ты не можешь ничего сделать, не заходя слишком далеко?" Фэн Чживэй пошел дальше.

Старый лама снова погрузился в размышления.

Выражение его лица становилось все более и более растерянным. Старый мозг, казалось, стал сегодня особенно вялым. Он отчаянно вспоминал сцену, когда Кли не так давно прибыл в храм Хуэйинь, но обнаружил, что не может вспомнить ее. Точно знает детали.

"Старый... старый..." Он покачал головой и вздохнул, но все же упрямо сказал: "Божья воля не ошибается, тебе не нужно ничего говорить, ученики Бога никогда не изменят результат гадания."

"Кто хочет, чтобы ты изменил?" Фэн Чживэй встал и лениво рассмеялся. "Дама Мала, посмотри на себя, выглядишь плохо, ты часто страдаешь от бессонницы? Но это неважно. Скоро ты сможешь спать спокойно".

Она улыбнулась и отвернулась. От резкого шага пламя масляной лампы стало меркнуть. Старая лама в колышущемся свете с трудом подняла веки и посмотрела на свою спину, бормоча: "Волчица идет в прерию..."

"Что за ткань вы используете для детских пеленок? Делается ли она летом из тонкого ге? Или это хлопок? Будет ли им жарко и больно?" Хуа Цюн в заднем зале схватила Лю Муданя и бесконечно спрашивала, касаясь живота: "Ой... он меня сегодня так беспокоит".

"Хлопок в полном порядке, у нас не так много внимания на пастбище в Центральных Равнинах..." Лю Мудань нежно погладил ее живот и обеспокоенно спросил, "Пойти и спросить у медика? Ваше дитя, я сказала спросить у медицинского работника, что вы делаете..."

За коридором слышались шаги.

Как только Лю Мудань разжал руку, Хуа Цюн сел, распрямил спину и с улыбкой сказал: "Почему вы спрашиваете медицинского работника? Я в порядке".

Ее глаза прояснились, движения резко ускорились, и она быстро прошла по комнате, обратившись к Лю Муданю с рукой. "Ваши слова эффективнее панацеи. Мне уже лучше!"

Лю Мудань посмотрел на беременную женщину, которая еще мгновение назад дышала. Ее лицо было очень красивым, нос был не ее носом, глаза - не ее глазами.

"Хорошо?"

"Фэн Чживэй с улыбкой вмешался и сказал: "Это действительно хлопотные цветы пиона. Цветы пиона появились неожиданно. Никто не может их остановить".

"Хуа Цюн некому их остановить". Пион Хуа рассмеялся и поднялся: "Хорошо, она в хорошем настроении, меня тоже использовали, ты ушла, а я продолжаю идти".

"Пожалуйста, пожалуйста." Фэн Чживэй улыбнулся и увидел, как вдовствующая императрица Пиона убегает, обернувшись к Хуацун, которая гордо хвалила своего сына, с гордостью поглаживая свой живот.

Дыхание луга утром свежее и яркое, оно освещает черно-белую крышу из черной черепицы и белые стены. Второй дворец Потала на высоком холме чист и драгоценен.

<http://tl.rulate.ru/book/19936/2460233>